

Воздействие русской прозы на румынскую литературу XX века

Думитру Балан

В XIX веке большое влияние на румынскую литературу оказала французская проза, а в XX веке румынские писатели проявили глубокий интерес к русской прозе, и в особенности к русским романам XIX века, первое появление которых в Европе, английский литературовед Джилберт Фелпс сравнивал с эффектом бомбы замедленного действия¹.

Это не означает, что прервался процесс восприятия французской прозы в Румынии: такие писатели, как например, Камил Петреску, Антон Холбан, Хортенсия Пападат-Бенджеску не прошли мимо творческого опыта Марселя Пруста, а Джордже Кэлинеску и, в определенной мере Чезар Петреску – опыта О. Бальзака. В значительно меньшей мере, воздействовали на румынскую литературу английская, американская и немецкая литературы. В последнюю треть прошедшего века заметный отпечаток на румынскую литературную жизнь оставила латино-американская проза. Как правило, чем шире была гамма истоков вдохновения у румынских писателей (восточное влияние не исключало западного, и наоборот, а также творческое «присвоение» опыта одного любимого писателя не исключало обращения и к другому – по манере порою – противоположному писателю), тем плодотворнее оказывались результаты этого благотворного соприкосновения.

Почетное место во вкусах румынских писателей занимают видные классики русской литературы XIX века и в первую очередь Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и Тургенев за высокое художественное мастерство и глубокую философско-этическую направленность их творчества. Не только они занимали думы многих румынских художников слова, но и Антон Чехов, Леонид Андреев, Максим Горький, Иван Бунин, Михаил Шолохов, Аркадий Аверченко, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский (последние три имени были запрещены долгие годы после второй мировой войны, они, между прочим, не включены и в солидный библиографический указатель русской и советской литературы на румынском языке², а М. Арцыбашев, кстати, вошёл снова в читательский оборот только после 1989 года).

В своей монументальной *Истории румынской литературы ...* (1940) Джордже Кэлинеску отмечает сходные или отличительные черты между романом Гоголя *Тарас Бульба* и драмой *Закат солнца* Барбу Шт. Делавранча, романом *Нямул Шоймэрешилор* М. Садовяну, выделяет у Н. Гане описание дома Толпана в гоголевском духе, хвалит писателя Думитру К. Морузи за умелое использование гоголевского юмора и, наоборот, порицает М. Влэдеску, у которого в романе *Минута* нет ни устной тонкости Караджале, ни «преображающего юмора Гоголя», и, сравнивая романы Дуилиу Замфиреску *На войне* и *Ана* с романами Льва Толстого *Война и мир*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

и *Анна Каренина*, приходит к выводу, что румынский прозаик (автор обстоятельной статьи о Толстом) не поднимается до уровня мастерства русского классика; роман Демостене Ботеза *Глиняные люди*, в котором служанка бросается под поезд, является дешевым подражательством произведению Толстого. В тематическом плане сближены Ал. Брэтеску-Войнешти и Тургенев, но чаще всего румынский критик и историк литературы обращается к Достоевскому, ссылаясь на стремления Ал. Влахуцэ, К. Стере, Дана Петрашинку и Чезара Петреску (в трилогии посвященной Эминеску), М. Садовяну (в *Воде мертвых*) усвоить художественные приёмы великого русского прозаика.

Выбор героев из крестьянской среды сближает Иона Виссариона с М. Горьким, а Карол Арделяну безуспешно пытался усвоить стилистическую манеру знаменитого русского пролетарского писателя, но его персонажи проявляют жесты благородства, напоминая героев Горького; в романе *Хотел Майдан* Стойки Г. Тудора встречаем попытку автора описать, как и М. Горький, гнездо бродяг в городе Констанце.

Кроме Дж. Кэлинеску – в период между двумя мировыми войнами – разные интересные высказывания о том, как румынские писатели обращались к наследию русских классиков, принадлежат литературным критикам Помпилиу Константинеску, Перпессичиусу, Еуджену Ловинеску, Виктору Стреину и др. В этот же период стали преподавать русскую литературу в престижных румынских университетах. Так например, Илие Бэрбулеску начал читать курс лекций по русской литературе в сравнительном плане с румынской литературой в Ясском университете ещё в 1918 году, а в Бухарестском университете другой видный профессор-славист, Петре Канчел руководил творческим семинаром по Л. Толстому и Достоевскому в 1934-1937 годах, а в 1944- 1945 годах читал общий курс лекций по истории русской литературы.

Самые глубокие разработки о восприятии русской литературы и о творчестве отдельных русских писателей в Румынии появились, естественно, в период после второй мировой войны и в особенности в 60-80 годы; многие вышедшие книги за это время были составлены их авторами-русистами на основе защищенных докторских диссертаций; здесь стоит напомнить следующие тома: *Творчество Гоголя в Румынии* (1959) и *Толстой и румынская литература* (1963) Татьяны Николеску, *Михаил Шолохов в румынском литературном мире* (1975, 2-ое пересм. и донм. изд. - 1976) Георге Барбэ, *Маяковский в Румынии* (1975) Думитру Балана, коллективный сборник *Пушкин в румынском культурном контексте* (1984), *Лермонтов в Румынии* (1987) Елены Червински и т.д.

Обособленно стоит вопрос о восприятии творчества Достоевского, писателя почти полностью запрещенного в период 1948-1955 годов (как, между прочим, и у себя на родине); лишь в 1956 году, по поводу 75-летия со дня смерти автора *Братьев Карамазовых* и в условиях начатого Н. Хрущёвым процесса «оттепели», Достоевский становится снова центром внимания литературной общественности, как в Советском Союзе, так и в Румынии. Правда, одно из первых выступлений о нем этого 1956 года, принадлежащее маститому критику и историку литературы, поэту и

прозаику Джеоржде Кэлинеску, напечатанное лишь в «Ученых записках» Академии Народной Республики Румынии (т. VI, 1956, с. 233-239) содержит ряд неточных и неверных формулировок, что свидетельствует, как напишет Алесандру Палеологу в своей книге *Дух и буква*, что Кэлинеску «не понял Достоевского». Понятно, здесь речь идёт не только о недопонимании Достоевского, но и об «обязательном принятии» и «воспроизведении» официальной точки зрения советской литературной критики такой же подход к творчеству Достоевского встречаем, например, и в книге *Ф.М. Достоевский* В. Ермилова, вышедшей и на румынском языке годом позже. (Ни Кэлинеску, ни составители разных изданий и собрания сочинений к этому тексту больше не возвращались).

О том как румынские прозаики относились к Достоевскому, о влиянии русского писателя на их творчество, находим важные данные в обзорных статьях *Ф.М. Достоевский в Румынии*³ Валериу Чобану, *Достоевский и румынская литература между двумя мировыми войнами*⁴ Татьяны Николеску и в книге Дину Пиллата *Достоевский в румынском литературном сознании* (1976), содержащей и обстоятельное послесловие литературного критика и эссеиста Алесандру Палеологу, который, между прочим, оспаривает взгляды разных румынских критиков (Раду Драгнеа, Н. Балотэ), считающих, что роман Ливиу Ребряну *Лес повешенных* написан в духе Достоевского, а также и роман Матея Караджале *Краи де ла Куртеа-Веке* (Раду Драгнеа, Владимир Стреину). Что касается утверждения Палеологу, что Лев Шестов опорочил больше всех понимание Достоевского, я уверен, что это мнение сможет быть изменено после прочтения переведенных на румынский язык книг (за последние годы) русского философа, в том числе и *Философии трагедии*.

Заслуга исследователя Дину Пиллата – он же и прозаик, автор романов *Дневник одного подростка*, опубликованный посмертно в 1984 году, *Странная молодость* (1943) и *Обычная смерть* (1946), которые несут несомненный отпечаток влияния прозы Достоевского – заключается в том, что он впервые в послевоенное время говорит о вкладе поэта и мыслителя Никифора Крайника (15 лет был заключен в румынских тюрьмах; кстати, и сам Пиллат познал ужас румынского ГУЛАГа) в деле изучения творчества русского писателя. Пиллат уделяет забытому и запрещенному ещё Крайнику ряд страниц, где раскрывает суть курса лекций по теме *Достоевский и русское христианство*, прочитанных на Кишиневском теологическом факультете в 1926 году, а впоследствии на Бухарестском теологическом факультете в 1932–1933 годах (здесь курс лекций, на основе стенографических записей, был умножен на ротапринте, но лишь в конце 90-х годов был издан в Клуже; по глубине и широкому охвату исследованных проблем, эта работа достойна сравнению с *Мирозерцанием Достоевского* Николая Бердяева).

Тоже впервые после долгих лет молчания упомянуто и имя русско-румынского прозаика, драматурга, переводчика и эссеиста Леонида Добронравова – Леона Донича, эмигранта, сбежавшего из Советской России в Румынию в 1918 году и написавшего здесь статью *Пророк* (1922), ставившую вопрос об отношении Достоевского к Богу. Произведения же

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

этого своеобразного двуязычного писателя стали переиздаваться лишь после 1989 года; было бы интересным сделать сравнительный анализ новеллы Донича *Великий Архимед* и романа Евгения Замятина *Мы* (оба антиутопические произведения были написаны почти в одно и то же время).

Восхищен творчеством Достоевского и Лучиан Блага, который высоко оценивает и эссе Дмитрия Мережковского о Л. Толстом и Достоевском.

Очарован личностью Достоевского был и румынский писатель Дан Петрашинку (настоящее имя – Анджело Моретта, в 1950 году эмигрировал в Италию), посвятивший русскому прозаику в 1935-1948 годах целый ряд статей (он не довёл до конца задуманную идею написать монографию о Достоевском). Эуджен Ловинеску, один из первых румынских литературных критиков, отметил влияние русской литературы и в первую очередь Достоевского на Петрашинку; и, действительно, романы *Кровь* (1935), *Чудовище* (1937), и *Кора и любовь* (1943) новеллы *Человек и зверь* (1941), и *Джунгли* (1940) доказывают, что Петрашинку является прилежным учеником Достоевского в изображении сложного процесса раздвоения личности, в убедительном показе внутренней двойственности персонажей, которые нередко действуют как под влиянием логических построений ума, так и под влиянием страстных подсознательных импульсов. После войны Петрашинку переходит от психологического к социальному роману; в *Завершённых временах* (1947) писатель – приверженец больше творческой манеры М. Горького; на определенном автобиографичном материале он описывает события, происшедшие в России, где на фоне гражданской войны между белыми и красными действуют разные персонажи из мира промышленников и итальянских, французских, турецких и румынских рабочих.

Михаил Себастьян находит сходные черты, общие точки соприкосновения в романах Достоевского *Бесы* и Мирчи Элиаде *Хулиганы: «определённая проблематика, недавно проявленная с насилием, определённое политическое мессианство»*⁵. Статьи Элиаде о Достоевском также красноречиво свидетельствуют об огромной любви румынского писателя к русскому писателю.

Достоевский воздействовал решительным образом и на творчество Джиба Михэеску, романы последнего *Донна Алба* и *Россиянка*, как уже указали такие критики, как Шербан Чокулеску, Владимир Стреину, Владимир Догару, Ливиу Петреску, Ал. Андриеску, выделяют румынского писателя как единственного выразителя у нас психологического романа «школы» Достоевского⁶. Но явно, что при более внимательном изучении прозы Михэеску, и в частности его романа *Россиянка*, обнаружим и влияние прозы Михаила Арцыбашева, чьи «скандальные» романы *Санин* и *У последней черты* были переведены и изданы в Румынии. Как и Арцыбашев, остро раскритикованный после выхода в свет романа *Санин* (1907) за «чрезмерный эротизм» (произведение было запрещено потом в Советском Союзе до конца 80-х годов), правда и по идеологическим соображениям официальной пропаганды), так и роман *Россиянка* (1933) Джиба Михэеску был взят в штывы за такой же «грех» отдельными блюстителями нравственного порядка; так например, Константин Кирицеску, многие годы

работающий генеральным директором в Министерстве образования (он же является и автором объёмистой и документированной монографии об участии Румынии в первую мировую войну), напишет – после присуждения Обществом Румынских Писателей премии имени Короля Карла II *Россиянке*, – гневный реферат, в котором, между прочим, утверждает, что этот роман является эротическим произведением, написанным по несчастной концепции и манере, которое стало деградировать современную румынскую литературу»⁷.

В период 1933-1934 годов роман *Россиянка* переиздан пять или шесть раз, но потом на протяжении полвека произведение было запрещено цензурой; не смог добиться напечатания книги один из преподавателей Бухарестского университета, занимающего довольно высокий пост заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК партии, несмотря на то, что за это время он написал и издал монографию о писателе Михэску. Причина запрета состояла не только в определенном вызывающем эроитизме, в смелом показе раскрепощенной любви, но и в том, что автор выбрал для места действия границу Бессарабии с Советской Россией и в данном контексте описывает и бегство отдельных лиц из страны большевиков.

Как бы не показалось парадоксальным, но Джиб Михэску в *Россиянке*, да и в романе *Донна Алба* (здесь чувствуется и общая атмосфера, присутствующая в *Мелком бесе* Ф. Сологуба), также как и другой крупнейший русский писатель, Леонид Андреев, склонен прибегать к прозе «исповедального» жанрового типа, где отдаётся предпочтение идеологическому содержанию повествования, а символика действия играет как бы дублирующую роль. В этом отношении самыми важными являются идеологические функции литературных героев, а их сюжетные функции в амплуа знаменосцев художественной семантики, переходят на второй план.

Леонид Андреев, бесспорный любимец румынских читателей и зрителей (его пьесы часто ставились на сценах многих городов Румынии) переводился и печатался в нашей стране с начала XX века, т.е. ещё при жизни самого автора, и продолжает и сегодня, в начале нового тысячелетия, быть в центре внимания румынской читательской публики (правда, в послевоенное время был определенный «пролеткультовский» период, когда в Румынии, как между прочим, и на его родине, писатель был изъят из общественного обихода). Большой подарок румынскому читателю преподнесло бухарестское издательство «Универс» в 1970 году, издав комплект из 4-х объёмистых томов, содержащих основные произведения прозы и драматургии Л. Андреева.

Среди переводчиков Андреева числится и Тудор Аргези, который в первом десятилетии XX века переложил на румынский язык новеллу *Бездна* и напечатал её в 1911 году со своим же предисловием, где отмечал у русского писателя значимость детали, тягу к непредвиденному, мотивы раздвоения личности и страха, оригинальность стиля; несколько лет спустя Аргези снова будет обращаться к творчеству Андреева; для маститого румынского писателя, который впоследствии станет одним из

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

непревзойдённых переводчиков басен И. Крылова, Достоевский являлся великим мастером психологической интроспекции человеческой души. В 1921 году Аргези напечатал в массовой серии «Прекрасная библиотека» свой перевод *Записок из мертвого дома* Достоевского, к которому он написал и вступительное слово (здесь сведения о русском классике взяты в основном из книги Е. Вогюэ *Русский роман*, вышедшей в Париже в 1886 году).

Масштабность данной темы не даёт возможности автору заниматься здесь сопоставительным анализом, так что в дальнейшем будут только обозначены отдельные направления, высказаны определенные тезисы, которые смогут быть расширены и углублены. Помимо уже названных работ монографического типа о восприятии разных русских писателей в Румынии, существуют статьи, где трактуются в большей или меньшей степени вопросы «родства» между персонажами разных произведений, проблемы творческого влияния русских классиков на румынскую литературу или, в отдельных случаях, необработанного полностью вопроса об усвоении румынскими писателями мотивов, идей, художественной манеры у русских писателей.

Стоит здесь особо назвать коллективный труд, вышедший в 1964 году в Москве под названием *Румынско - русские литературные связи второй половины XIX – начала XX века* и включающий такие разработки как *Творчество Тургенева в Румынии* Валериу Чобану, *Чехов и румынские писатели Садовяну и Ребряну* и *Творчество Тургенева в Румынии* Тамары Гане (сборник содержит также и статью о восприятии М. Горького в Румынии). Из цикла других послевоенных статей выделяются *Садовяну и тургеневские «Записки охотника»*⁸ и *Тургенев и румынская литература*⁹ Михая Новикова, *Толстой и Садовяну* Зое Думитреску Бушуленга¹⁰, *Ф.М. Достоевский в восприятии Марина Преда*¹¹, *Марин Преда и русские писатели*¹², *Творчество и личность Льва Толстого в восприятии Марина Преда*¹³, и *Лев Толстой в оценке Марина Преда*¹⁴ Георге Барбэ, *Румынская литература в контексте румыно-русских отношений XX века*¹⁵, и *Михаил Булгаков в Румынии*¹⁶ Думитру Балана и др.

Главным ориентиром в нравственном отношении и заветной моделью письма, творческого мастерства для всех видных румынских писателей, даже для тех, кто находился под замораживающим и тоже плодотворным влиянием западной литературы (Камил Петреску и Дж. Кэлинеску, например) были всё-таки ведущие представители русской литературы; можно с обоснованием и уверенностью утверждать, что нет ни одного сколько-нибудь значительного румынского писателя, который не высказывался бы положительно о русской литературе, о русских прозаиках, драматургах или поэтах.

Легко составить ряд антологий с выдержками высокой похвалы (взятых из статей, эссе, предисловий и послесловий, рецензий, интервью и т.д.) румынских писателей в адрес русской классической литературы, в адрес русских мастеров слова. Более того, многие румынские писатели плодотворно переводили отдельные произведения русских писателей, правда, в первую половину XX века немало художественных эквивалентов

осуществлялось посредством «посредника», т.е. с текстов на французском или немецком языках; так как уже было отмечено выше Аргези переводил из творчества Л. Андреева и Достоевского, М. Садовяну – из Тургенева, Ливиу Ребряну – из Чехова и Л. Толстого, Гала Галактион – из Л. Толстого и т.д. Но даже в этот период было достаточно книг, переведённых непосредственно с подлинника, с русского языка (часть произведений названных выше писателей, романы И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев* и *Золотой телёнок*, роман *Мать*, автобиографическая трилогия и большинство рассказов и новелл М. Голького, новеллы И. Бунина и др.)

После второй мировой войны, как правило, тексты переводились только с русского языка; были изданы многотомные собрания сочинений М. Горького (30 томов), Л. Толстого (14 т.), А. Чехова (12 т.), Достоевского (11 т.), Тургенева (11 т.) и т.д.

Вышли монографии румынских русистов и литературных критиков, посвященные русским писателям: Татьяна Николеску написала книги о Бунине и А. Белом; Галина Маевски о Горьком, Моника Сэвулеску о Чехове, Йон Яноши о Л. Тостом и Достоевском, Ана- Мария Брезуляну, Нина Виколов и Татьяна Николеску о Л. Андрееве, Изольда Вырста о М. Булгакове; в особом ряду стоит монументальная работа энциклопедическо-исследовательского типа Валериу Кристя *Словарь персонажей Достоевского* (тт. I и II).

Большую помощь исследователям оказывают высказывания самих же румынских писателей о воздействии русской литературы на их творчество, личные дневники и заметки на полях внимательно прочитанных книг русских писателей, что дало, например, повод одному румынскому критику утверждать, что в составлении композиционного плана романа *Ион Ливиу Ребряну* руководствовался *Братьями Карамазовых* Достоевского. Ценные данные об особом внимании, уделенном румынскими прозаиками русской литературе и даже отдельные виртуозные сопоставительные анализы произведений русских и румынских писателей находятся и в монографиях, посвященных, например, Ливиу Ребряну (из почти двух десятков книг стоит назвать работы Станку Илина – 1985 и 1988, Н. Герана – 1986 и 1988, он же является и составителем собрания сочинений Ребряну в 20 томах, С. Миока – 1988, И. Симуца – 1997), Чезару Петреску (М. Гафица – 1963), Михаилу Садовяну (С. Брату – 1963, К. Чопрага – 1966, И. Опришан – 1986), Джибу Михэеску (М. Диаконеску – 1973 и Фл. Гицэ – 1984) и др.

На румынскую прозу воздействовали не только русские классики XIX века (этот аспект изучен, хотя и не полностью, но довольно обширно и глубоко), но и русские писатели XX века.

Герои М. Горького, в частности бедняки, бродяги, «босяки», но и «бунтовщики» возымели немаловажное влияние на румынскую прозу, описывающую мир «униженных» и «обездоленных»; в разряд писателей, шагавших во многих произведениях по следам русского пролетарского писателя, обоснованно можно включить таких румынских прозаиков, как Ион Висарион, Панаит Истрати, прозванный ещё при жизни «балканским Горьким», Захария Станку, Карол Арделяну со своими романами

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Дипломат, дубильщик и актриса (1926), *Черви земли* (1933) и *Дом с девочками* (1931), правда, в последнем названном произведении чётко прослеживаются и отголоски романа *Яма* (1909 - 1916) Александра Куприна.

В романах Феликса Адерки *Петр Великий, первый революционер, строитель России* (1940) и *Всадник, затерянный в степи. При Петре Великом* (1961) и романе Алексея Толстого *Пётр Первый* (кн. 1-2, 1930 и 1934; кн. 3, 1945) встречаются много сходных моментов динамики развития сюжета, но самое главное то, что оба писателя представили русского царя как многосложную и целостную фигуру в высшей степени характерную и показательную для эпохи преобразования русского общества.

Вовсе не изучено до сих пор место творчества Дмитрия Мережковского в румынской литературе, прозаика, чьи романы часто переводились у нас до второй мировой войны (испытал влияние творчества Мережковского и один из переводчиков его романов, прозаик В. Деметриус), чья исследовательская книга *Русские писатели*, вышедшая в Яссах в 1925 году, была восторженно принята румынской критикой; ещё в начале 20-х годов о Мережковском писал Лучиан Блага, а в 30-е годы его имя встречается в статьях Мирчи Элиаде, Дана Петрашинку, Изабелы Садовяну и др.

Только наметившаяся у Владимира Стреину идея о родстве героев Андрея и Антона Барбу романа *Ничья смерть* (1939) Петру Манолиу с миром «деклассированных» людей пьесы *На дне* Горького, а также с персонажами Л. Толстого, Достоевского и Гончарова не была продолжена и развита при народной и социалистической власти, так как романы Манолиу не были допущены к переизданию (самому писателю разрешили заниматься только переводами), а Стреину одно время был узником румынских тюрем (статью о Манолиу он напечатал в 1939 году)¹⁷.

Нет ещё исследования о восприятии сатирических произведений Аркадия Аверченко в Румынии, несмотря на то, что в 20-30 годы его книги часто переводились, рассказы его часто печатались в румынской периодике и даже одна из его новелл о взяточничестве была успешно адаптирована Константином Терзи на фактах из румынской жизни¹⁸. В последние годы жизни Аверченко, который жил в эмиграции в Праге, нередко приезжал в Румынию.

Отдельные румынские прозаики были вдохновлены не только творчеством, но и личным примером русских писателей, так например, Марин Янку Николае, потерпевший в детстве небольшую травму глаз и уже в зрелом возрасте полностью ослепший, стал писателем (был принят в Союз румынских писателей), последовав личному примеру Николая Островского; по количеству написанных книг, он даже превзошёл автора романов *Как закалялась сталь* и *Рожденные бурей*, но самым интересным произведением можно считать лишь автобиографический роман *После бездны – солнце*. Это другой вопрос, что произведения обоих писателей не достигли особых художественных вершин, что в написании первого романа Н. Островского участвовали другие советские писатели (об этом читатели узнали из русской печати только в последнее время) и что в «составлении» дебютных книг М.Я. Николае участвовали молодые ассистенты, мои

коллеги по кафедре. Здесь важны не столько произведения сами по себе, которые – если судить по большому гамбургскому счету – являются посредственными в эстетическом отношении, сколько именно личный пример отважного мужества писателей. Как, между прочим, для многих румынских читателей вдохновляющим является пример военного летчика Маресьева, героя популярного в советские годы романа Бориса Полевого *Повесть о настоящем человеке*.

По идейному содержанию, по глубинному нравственному смыслу романы *Остinato*, *Дверь*, *Герла* Пауля Гомы, «румынского Солженицына»¹⁹ близки произведениям А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*, *Архипелаг ГУЛАГ*, *В круге первом* и другим; оба писателя показали в своих сочинениях, что человек может сохранить своё достоинство, свою первозданную совесть, своё чувство справедливости даже в ужасных условиях, функционирования – на полных оборотах – государственной машины тоталитарной системы советского образца. И Петре Сэлкудяну со своим романом *Александрейская библиотека* (1980) многим обязан Солженицыну и, безусловно, можно уловить разные параллели между этим произведением румынского писателя, хорошо знающего русский язык и литературу и книгами Солженицына, в том числе и романом *Раковый корпус*. Образ партсекретаря Морэску, бывшего агента Мосивы во время второй мировой войны, безграмотного активиста, ненавидящего интеллигенцию, напоминает своими поступками советских «старших братьев», мастерски описанных в книгах Солженицына и Варлаама Шаламова.

Другим последователем Солженицына оказался и Ион Иоанид (хотя он и не считает себя писателем), который в своей многотомной мемуарной книге *Тюрма наша насущная*, изобразил с большой проницательностью и искренностью зековский мир, быт румынских политических тюрем.

Гома и Иоанид, как и Солженицын познали на собственном опыте, изнутри, – сами будучи узниками ГУЛАГа, – тяжкую и невыносимую жизнь заключенных, и также как русский писатель оказались в эмиграции, где остались и поныне в отличие от Солженицына, вернувшегося на родину в 1994 году.

Николае Стейнхардт в своём *Дневнике счастья*, опубликованном лишь посмертно в начале 90-х годов (речь идёт о втором варианте текста, так как первый был конфискован органами безопасности в начале 70-х годов), отмечает, что выход из любого концентрационного мира возможен лишь путём веры и при этом ссылается на три разных типа решения духовного освобождения, предложенного А. Солженицыным, Александром Зиновьевым и, соответственно, У. Черчиллем и Владимиром Буковским; автор *Дневника счастья* доказывает, что он хорошо знаком с книгами *В круге первом* и *Архипелаг ГУЛАГ* Солженицына и с исследованием *Зияющие высоты* поэта и политолога А. Зиновьева.

Читая сочинения мемуарного типа Раду Чучану, Константина Чесяну, Иона Пантази, Марчела Петришора, Флорина Константиновича, Никифора Крайника и других бывших румынских политзаключенных, можно легко заметить, что пример Солженицына, а для некоторых и В. Шаламова со

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

своими *Колымскими рассказами* (они были сначала напечатаны на Западе и лишь потом и в бывшем Советском Союзе) был своеобразной путеводной звездой.

В какой-то степени и личные биографии П. Гомы и Солженицына похожи: первый отказался вернуться на родину и сотрудничать с новой властью, а второй, хотя и вернулся в Россию, был скоро удалён с национального телевидения (у него вначале там была своя передача) за личные взгляды, далеко не совпадающие с официальной точкой зрения (с самого начала писатель отказался присоединиться к какому-либо политическому направлению). М. Горький как-то высказывался, что русский писатель никогда не должен жить в дружбе с русским правительством, но то же самое можно утверждать и про отношение Гомы к румынскому руководству страны.

Румынские писатели Раду Джир (первоначально был осужден к смертной казни), Василе Войкулеску, Ал. О. Теодоряну (Пэсторел), отправленные в тюрьму в послевоенное время, за произведения, рассмотренные властями как враждебные, антикоммунистические, в отличие от таких русских писателей как И. Бабель, П. Васильев, О. Мандельштам, Б. Пильняк, сгинувших в сталинских лагерях, остались, к счастью, в живых, и в период относительной «оттепели» в Румынии были выпущены на свободу. Сажали в румынские тюрьмы и румынских писателей, осмеливавшихся напечатать свои произведения на Западе; например за такой поступок Виктор Валериу Мартинеску получил второй срок заключения (1958-1964), первый же (1947-1952) он получил попытку нелегально покинуть страну. В брежневское время вызвало большую волну внутреннего и мирового протеста за осуждение писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского на 5 и соответственно 7 лет лагерей строгого режима за выход в свет на Западе прозы, которая сегодня входит в программу изучения русской литературы XX века.

Писатель Эмиль Ману (он же – известный румынский литературный критик) вспоминает, как следователь набросился на него на допросе за то, что в своем *Дневнике* он написал, что «Борис Пастернак – самый великий сегодняшний писатель в Советском Союзе и что его роман *Доктор Живаго* является шедевром мирового значения»²⁰.

Многим писателям удалось разными путями эмигрировать на Запад; все они хорошо знали русскую литературу, а в новой обстановке свободы смогли быть ещё лучше в курсе дел с литературой, запрещенной в Советском Союзе, а некоторые из них встречались с русскими эмигрантами, с диссидентами, с писателями, находящимися в опале у себя на родине (про весьма интересную встречу с Эудженом Ионеско рассказывала мне, например, поэтесса Белла Ахмадулина).

При прочтении изданных сегодня в Румынии книг таких видных писателей как Хория Винтилэ, Мирча Элиаде, Петру Думитру можно обнаружить немало точек соприкосновения их мастерства с идейным и художественным миром русских писателей и, в первую очередь, с творениями классиков XIX века. В почтительном отношении к русской литературе признавались неоднократно и сами румынские писатели; так

например, Эмиль Чоран, высоко ценил творчество Гоголя (о нем он написал и отдельное эссе), Л. Толстого (особое внимание он уделил анализу повестей *Смерть Ивана Ильича* и *Отец Сергей*), Достоевского и Тургенева. В последние годы о румынских «возвращенных» писателях стали писать и русские исследователи. Так например, в одной статье о Чоране утверждается: „Достоевский занимает в чорановском мире место, сравнимое разве что с Шекспиром или Бахом. В беседе 1979 г. Чоран отметил: «Из всех персонажей Достоевского меня больше всего восхищает и больше других понятен мне, кажется, Ставрогин»”²¹.

Можно смело сказать, что так или иначе румынские писатели XX века от Михаила Садовяну, Ливиу Ребряну, Жиба Михэеску, Иона Агырбичану, Чезара Петреску, Галы Галактиона (явно влияние Горького на *Мельницу Кэлифара*), Константин Стере (в особенности в многотомном романе *Накануне революции*), Иона Лэнкрэнжана (роман *Кордоване* о коллективизации в деревне испытал прямое влияние *Поднятой целины* М. Шолохова; оба произведения сегодня уязвимы в инейно-тематическом плане) до продолжающих ныне творить Николае Бребана, П. Сэлкудяну, П. Гомы, Аугустина Бузуры и других любовно и творчески использовали богатый опыт русских прозаиков XIX века, а некоторые и опыт писателей XX века Л. Андреева, М. Горького, М. Арцыбашева, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Л. Леонова, Е. Замятина, М. Шолохова, М. Булгакова и А. Солженицына.

Ждут ещё своего освящения проблемы восприятия русской прозы и вообще русской литературы румынскими писателями, чье творчество было до недавнего времени под полным или частичным запретом. Прав прозаик Думитру Маталэ, написавший, что сегодня есть книги, которых «раньше негде было найти. Книги про которые нельзя было произносить ни одного слова, тем паче читать их: *Россиянку*, например, или *Лолиту*, или *Остинато*, Солженицына, Оруэлла, или даже Петру Думитриу»²².

Сейчас, когда, например, за последнее десятилетие в Румынии уже переведены и изданы пять книг В. Набокова и три румынских монографии о нём, мало ли кто знает, даже среди филологов, что роман русско-американского писателя *Камера обскура* был прекрасно переведён с русского языка Ростиславом Доницем (брат Л. Добронравова - Доница) и напечатан в 1940 году. Нет этого сведения даже в обширной подборке высказываний о Владимире Набокове, ни в статье Раду Лупана о нем, сопровождающей отрывок из *Лолиты* (все эти тексты были опубликованы в журнале «Secolul XX» за 1980 год; в Советском Союзе же писателя стали печатать лишь с 1986 года).

Создание синтетической истории румыно-русских литературных и культурных связей должно начаться с более глубокого изучения восприятия русской прозы румынской литературой, румынскими писателями. Этот аспект затрагивает, несомненно, проблематику переводческую, издательскую, литературно-критическую и контактную.

Примечания

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

- 1 «Иностранная литература», 1957, № 6, с.276.
- 2 См. Filip Roman, *Literatura rusă și sovietică în limba română*, București, 1959.
- 3 “Studii și cercetări de istorie literară și folclor”, XII, 1963, nr.1-2.
- 4 “Viața românească”, 1971, nr. 11, p. 96-104.
- 5 *Note la „Poseđații”* // „Revista Fundațiilor Regale”, V, 1936, sept., p. 679-683.
- 6 Vladimir Streinu, *Gib Mihăescu: „Donna Alba”* // *Pagini de critică literară*, București, 1938.
- 7 Цит. по ст. Pavel Țugui, *Pagini din istoria a cenzurii* // „Adevărul literar și artistic”, XII, nr.664, 2003, 6 mai, p.10.
- 8 *Сравнительное изучение литератур. Сб.*, Ленинград, «Наука», 1976, с. 164-168
- 9 „Romanoslavica”, XXI, 1983, p.205-224.
- 10 Zoe Dumitrescu Bușulenga, *Valori și echivalențe umanistice*, București, editura Eminescu, 1973.
- 11 *Limbă și literatură*, vol. III, 1983, p. 363-371.
- 12 „Romanoslavica”, XXII, 1984, p.61-85.
- 13 «Вестник Московского университета, серия Филология», 1989, № 2, с. 63-68. «Очеловеченная» фигура И. Антонеску в романе *Бред*, показывает, что М. Преда творчески усвоил опыт *Войны и мира* Л. Толстого; нападки представителей Союза писателей СССР на книгу румынского писателя были явно предвзятыми и необоснованными. (См. и Н. Zalis, *Descătușare de tensiuni* // „Dosarele istoriei”, VI, 2001, nr. 10 (62), p. 56-61.
- 14 *Prelegeri de limbă și literatură rusă*, vol. II, București, 1985, p. 340-359.
- 15 „Romanoslavica”, XXX, 1992, p.107-136.
- 16 „Romanoslavica”, XXXI, 1994, p.51-67.
- 17 Vladimir Streinu, *Petru Manoliu: „Moartea nimănui”* // Vladimir Streinu, *Pagini de critică literară*, V, ediție alcătuită de George Munteanu, București 1979, p.248.
- 18 C-tin Terzi, *Sperțarul sau Anchetă Specială (Satiră umoristică)*, realizată de ... după Arcadie Avercenco, ediția I-a, Cahul, 1935.
- 19 Впервые данное прозвище употребил Мирон Раду Параскивеску, потом эту лексему переняла парижская газета «Ле Монд», а вслед за нею радиостанция «Свободная Европа» и литературные критики и политологи. (См. и статью Ion Simuț *Câți Soljenișin avem?* // „Observator cultural”, III, 2002, nr. 113, 23-29 aprilie, p. 6).
- 20 Emil Manu, *Ancheta (1959)* // „Luceafărul”, nr. 11, serie nouă, 2003, 26 martie, p. 15.
- 21 Борис Дубин, *Бесконечность как невозможность: фрагментарность или повторение в письме Эмиля Чорана* // «Новое литературное обозрение» (Москва), 2002, № 2 (54), с.260.
- 22 Dumitru Matașă, *Pâinea noastră cea de toate zilele* // „Luceafărul”, nr. 11, (595), serie nouă, 2003, 26 martie p. 24.